

РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ

рассказ

Владимир ТРЕНИН

г. Петрозаводск

Холодный злой ветер с залива уже несколько дней испытывал Петербург на прочность: гнул рекламные щиты, трепал и рвал растяжки над проспектами. Люди, утомлённые разбушевавшейся чухонской стихией, нескончаемой серой зимой, а может, ещё и нелюбимой работой или просто уставшие за трудовую неделю, с озабоченными лицами брели в сторону метро.

В потоке они задевали плечами нерасторопного прохожего в неуклюжей кепке а-ля Шарль де Голль и длинном сером пальто в крупную клетку, засмотревшегося на витрину женского белья. Мужчина с мечтательной улыбкой разглядывал ярко освещенные фото длинноногих красавиц в кружевных трусиках и шёлковых комбинациях. Неуверенно потоптавшись на крыльце магазина, мужчина всё-таки решился: потянул на себя дверь и шагнул внутрь. Минут через пятнадцать он вышел оттуда, но опять задержался у витрин: человек словно пытался сохранить в памяти и унести с собой тех волшебных фемин из-за стекла — таких далёких от холодного мира, где проходящая толпа месит коричневую кашу из мокрого снега, песка и соли.

Прохожего в кепке и клетчатом пальто звали Роман Сергеевич Шубин. Он был неместный: жил в небольшом городке на холмах, рядом с красивым озером, работал ведущим инженером-проектировщиком. Это был обычный мужчина в начале пятого десятка — с лишним весом и среднестатистическим доходом.

Довольный своим смелым и неожиданным поступком — визитом в дамский магазин, Роман Сергеевич крепко держал ручку портфеля: теперь, кроме папки с рабочими бумагами, поллитровки бюджетного коньяка и запасных носков, в нём лежали женские трусы, больше похожие на ажурную паутинку, умещавшуюся в ореховые скорлупки, как в чешском фильме про Золушку. Цена у белья и правда оказалась сказочная — четверть его оклада.

Сегодня у Романа Шубина был удачный день: он подписал акт приёмки проекта реконструкции автодороги у организации-казачика. Если всё пойдёт по плану, летом, в том числе его стараниями, начнётся ремонт полусотни километров грунтовок между населёнными пунктами с необычными названиями «Вожа» и «Пудога», а значит, случится через два года в том глухом исконно русском краю с финно-угорскими корнями асфальтовое шоссе. По этому случаю и был куплен коньяк, а по какой причине Роман Сергеевич приобрёл дорогие трусики, непонятно: жены или подружки у него не было.

Через слякоть неприветливых питерских улиц Роман пробирался к зданию головной проектной конторы, в провинциальном филиале которой он работал: надо было оставить документы, а заодно хорошо бы выпить рюмочку и убить время до поезда, который вечером увезёт его домой.

Ветер раздувал полы пальто, тело пробирала зябкая дрожь, ботинки промокли насквозь, ноги ныли от боли. Роман замедлил ход, оглянулся и свернул с улицы в ближайший двор-колодец — один из тех, что так любят снимать фотографы, даже специально покупают для этого широкоугольные объективы. Опасливо озираясь, Роман Сергеевич торопливо открыл портфель, достал маленькую бутылку коньяка и, сделав глоток, спрятал её в карман пальто. Постоял с минуту, поглядывая на квадрат тёмного низкого неба, опять достал коньяк и отхлебнул ещё. Теперь Роману Сергеевичу стало хорошо и даже как будто уютно в этом старинном дворе с обшарпанными домами. «А вдруг сюда заходил Бродский... Может, и Есенин с Мариенгофом?» — от этой мысли закружилась голова и чуть похолодело внутри.

Роман со школы любил поэзию, сам тайком пописывал стихи, но никому не показывал: ребята в универе засмеяли бы, а коллеги в конторе не поймут.

Спрятав бутылку в портфель, он закурил и вышел на улицу, на перекрёстке остановился у тумбы с афишами. На одной — уже надорванной — красовался «король эстрады» в костюме со стразами и перьями. Ветер колыхал обрывок

с головой звезды: лицом он был похож на пожилую цыганку с безумными глазами, подведёнными сажей, — казалось, чёрные зрачки следят за прохожими.

Роман Сергеевич перешёл через дорогу, теперь перед ним было здание с обветшавшими кариатидами. Он показал пропуск охраннику и поднялся на четвёртый этаж по широкой мраморной лестнице, потом — мимо закрытых дверей по пустынному гулкому коридору в проектный отдел.

Вокруг тишина. Пятница, рабочее время завершилось на час раньше. Впрочем, для Романа Сергеевича это выражение — «рабочее время» — ничего не значило: он думал об объектах, над которыми трудился, каждую минуту, свободную от сна и еды.

Проектный отдел представлял собой обширное помещение, которое на западный манер было поделено перегородками на небольшие клетушки — рабочие места. В пределах каждого такого «чулана» имелись стол, стул и компьютер.

Навстречу Роману поднялся Денис Солнцев, молодой парень, на вид лет двадцати пяти, может, чуть старше, но уже главный инженер.

— Здравствуйте, Роман Сергеевич. Как всё прошло?

— Замечательно. Да ты, наверно, уже знаешь, — сказал Роман, пожимая узкую ладошку Дениса.

— Присаживайтесь, отдохайте.

Роман скинул пальто и кепку на ближайший стол, открыл портфель, достал папку и передал её Денису:

— Вот акты и остальные бумаги.

— О'кей, — Денис убрал документы в ящик своего стола. Открыв нижний широкий шкафчик, он достал початую бутылку и два бокала. — Такое событие надо отметить, — сказал он, разливая коньяк.

— Ого, «Хеннесси» ИксО! Однако хорошо живёт столичное начальство, — усмехнулся Роман, понюхав вязкий напиток цвета тёмного янтаря.

— Роман Сергеевич, обижаюте... Это только по особым случаям, да и вашим работникам сейчас премию выпишем. В общем, давайте за

успех нашего проекта и будущих начинаний! — Денис чокнулся и залпом выпил; потом, посмотрев на часы, засобирался. — Вы тут располагайтесь, а мне надо бежать... Ключ на вахту сдадите. — Солнцев хотел было убрать со стола бутылку, но замешкался. — Коньяк оставить?

— Оставьте, если не жалко, — кивнул Роман.

— Ладно. До свидания, Роман Сергеевич. Хорошо доехать!

— До свидания, — Роман, не вставая со стула, пожал руку своему молодому начальнику.

Когда в коридоре затихли его шаги, он налил себе ещё «Хеннессе», поднёс бокал к свету лампы, любуясь, перекатил коньяк по стеклянным стенкам и выпил одним неторопливым глотком. Ничего не евший со вчерашнего вечера, Роман Сергеевич почувствовал, как по телу разливается тепло и спокойствие.

Взгляд упал на ботинки, украшенные белой соляной полосой. Роман потянулся к портфелю, достал чистые носки, затем снял обувь, вынул промокшие насквозь стельки. Подвигав пальцами на ногах, поморщился: в последнее время у него стали сильно мёрзнуть и болеть пятки. Симптомы, забитые в Гугл, выдали заболевание, похожее на артрит, — следствие беззаботной полевой молодости. К врачам идти не хотелось — тянул до последнего. Но сейчас ноги болели так, будто в кость забивают железный стержень. Чтобы отвлечь себя, Роман схватил лист бумаги, карандаш и стал быстро писать:

«Ножки холодные

Ножки болят

Ножки мёрзнут

Ножки стонут

Ножки ледяные

Ножки ужасные

Ножки хорошие

Ножки не болейте».

Не выдержал: отбросив карандаш, плеснул коньяку и залпом выпил — казалось, боль отступила. Может, заклинания всё-таки помогли, а скорее — алкоголь.

Переодевшись в сухое, Роман в одних носках прошёл к батарее — сырые повесил сушиться у стола главного инженера.

Затем он достал из портфеля кружевные трусики и, расправив, разглядывал их на ладони, после чего скомкал и поднёс к лицу: они при-

ятно пахли духами — наверно, парфюмом консультантов из магазина, которые сами были как фотомодели. Странно: они ничуть не удивились его появлению и очень мило побеседовали с Романом Сергеевичем, заодно впарив дорожные стринги. По правде сказать, он уже почти четверть века так долго не общался с красивыми девушками. Та симпатичная продавщица из винного магазина в его районе — Марина, если, конечно, на фартуке бейдж с её именем, — не в счёт. И что это на него нашло сегодня? Зачем попёрся трусы перебирать — людям на посмешище!

Там, у витрины, впервые за много лет Роману захотелось женщину. Он думал, что влечение пропало, а ведь когда-то он мог кончить от одной мысли о женских коленях. Очень давно у него был единственный опыт с девушкой, которая с интересом посмотрела на неловкого парня; и он, конечно же, сразу влюбился, но в постели всё закончилось слишком быстро. Роман помнил её удивленные и как будто разочарованные глаза: и это всё?.. Это и было всё. После того случая он замкнулся и сократил до минимума контакты с противоположным полом — оставалось только рассматривать каталоги белья или передачи с аэробикой по телевизору. С эрой интернета пришло много откровенной плоти — пропала загадка и наступило пресыщение.

Теперь Роман получал удовольствие только от выпивки и хорошо сделанной работы. Возможно, если бы не ежедневная обязанность вставать в семь утра и идти на службу, как говорят, покатила бы по наклонной плоскости или опустился на дно. По крайней мере, о том болтают сослуживцы в курилках и на утренних чаепитиях, обсуждая отсутствующих по уважительным и не очень причинам товарищей. Роман Сергеевич прекрасно знал, что о нём думают коллеги.

Совсем уж пропащим человеком он себя не считал. В глубине души даже подумывал, что создан для чего-то другого: мечтал скопить денег и, красиво распрощавшись со всеми, укатить на какой-нибудь южный остров... на Кубу, например... и, как Хемингуэй, выпивать в местных барах, слушать истории аборигенов и рассказывать им свои... а на закате, взяв бу-

тылку рома, удалиться на пустынный пляж и следить за красным диском солнца, падающим в тёплое море... и заснуть там, может быть, навсегда.

«Ну, насчёт Кубы ты, Ромыч, загнул! В Анапе-то не был ни разу. Вона «Крым — наш», езжай туда», — в такие минуты вмешивался внутренний критик; в последнее время он что-то зачастую в мысли Романа Сергеевича, причём становился всё злее и циничнее.

«А что, хорошая идея! — думал Роман. — В Крым я тоже хотел слетать... ещё студентом. Поеду в Крым».

Зимний пляж... Завалюсь в своём красивом клетчатом пальто на лежак, буду пить местное вино, — вслух сказал он себе, наливая ещё коньяку.

Роман Сергеевич гордился своим пальто с необычным рисунком. Эта покупка была сродни вызову общественному провинциальному вкусу — той крайней формой эпатажа, которую он мог себе позволить.

— Подумаешь — Хемингуэй! — разглагольствовал он. — Я тоже могу творить. Попробовал бы Хэм... этот мечтатель с тонкими ручками, который выдумал сам себя и брутальную биографию... сделать изыскания лютой зимой в тайге или в тундре... А потом — запроектировать дорогу среди болот, скал и текучих глин. Вот это — созидание и труд — настоящая работа для мужчины! — Роман хлопнул кулаком по столу так, что подпрыгнула посуда.

«Однако «ведущий разбушевался». Ты пьян», — опять встрял критик.

— Да, я, может быть, и пьян, но имею право, — прошептал Роман и потянулся за «Хеннеси». — Мама, за тебя! — плеснув из бутылки ещё, он допил чужой дорогой коньяк и аккуратно поставил бокал на стол.

Посмотрел на часы: поезд нескоро. Задумался о чём-то, бесцельно побродил по кабинету. Затем взял со стола пустую фигурную бутылку и отправил её в пластиковую урну.

Домой ехать не хотелось.

Роман Сергеевич жил один. Пять лет как умерла мама, и с того времени каждый год ко дню её рождения он брал двухнедельный отпуск и уходил в глубокий безобразный запой.

Роман пил, засыпал, просыпался, включал музыку — в такие моменты он любил классику — опять пил, теряя человеческий облик... пытался писать какие-то отрывки и воспоминания, стихи, может быть... иногда выходил на улицу, бродил по городу, но не помнил где. Спустя неделю водочно-коньячного перформанса квартира была завалена пустыми бутылками и скомканными исписанными обрывками. Потом, протрезвев, Роман не мог вспомнить, что сочинял, и с трудом разбирал свои же каракули. То, что удавалось расшифровать, представляло собой бессмысленный бред, набор слов или нечто пафосное — будто, падая в алкобездну, он совершал какое-то немислимое свершение.

Некоторые строки Роман даже сохранял в заметках на телефоне; перечитывая их, ему становилось немного неловко и в то же время страшно за человека, который их писал:

«Чистый лист

Чёрные мысли

Человек устал

Честно-честно

Час, дайте мне час

Честно-честно, и я уйду нечестно

Через час, ровно, ровно, честно-честно».

Неужели это сочинил он сам?

Роман достал бутылку из портфеля. Немного отпил прямо из горлышка. Посмотрел на экран телефона: «Честно-честно, и я уйду нечестно». А что, не так плохо.

«Ну всё, Рома, ты набрался. Хватит. Пора на вокзал», — подсказывал внутренний критик.

— Я сам знаю, хватит или нет, не надо меня учить! — вслух огрызнулся тот.

Каждый раз в заключительные три дня такого отпуска, дрожа под одеялом, Роман умирал, обливаясь холодным едким потом, и, закрыв глаза, мысленно считал падающих чёрных клещей, тараканов и змей. Иногда ему слышались какие-то звуки и голоса, но он не боялся — знал: всё пройдёт, — возможно, когда-нибудь сердце не выдержит и он действительно умрёт — если не в эту субботу, так в следующую.

Наутро, в воскресенье, Роман с трудом находил в себе силы, чтобы встать и прибраться в квартире. Он скидывал бельё в стиральную машину, мылся и брился, выносил пакеты с

мусором. Затем шёл в магазин к Марине и брал пару пива.

В последний раз, когда заходил к ней, она как-то загадочно улыбалась, поправляя чёлку; кольца на её руке не было. «Сколько ей? Может, тридцать пять... Кажется, я ей нравлюсь... Неужели?..» — думал он. Роман не умел проницательно считывать эти женские знаки и в тот раз сразу удалился, забрав покупку.

В тот же вечер он посмотрел новости: оказалось, во время его запоя умер Фидель Кастро.

В первый день после отпуска, как полагается, рано утром в контору Роман Сергеевич приходил похудевший и излишне энергичный — в костюме, при галстуке. И работал, работал...

Роман по-прежнему сидел за чужим столом в тихом полумраке большого кабинета. Посмотрел на часы: до поезда оставалось недолго. Он проверил банковские карты, паспорт и билет на поезд во внутреннем кармане. Пора покидать здание.

Достав свою записку из портфеля, Роман глотнул из горла дешёвого коньяку, сунул бутылку обратно. Бокалы спрятал в стол Солнцева, чтобы никому не мозолили глаза.

Морщась, Роман Сергеевич натянул на ноги непросохшие ботинки, накинул пальто, взял кепку, напоследок оглядел помещение и выключил свет. На вахте оставил ключ, у выхода попрощался с охранником, стараясь не дышать на него.

Ветер не утихал. Прохожие жались к стенам. Роман остановился у входа, достал наушники, долго настраивал плеер непослушными пальцами, наконец получилось — и он, слегка покачиваясь и опустив голову, направился в сторону метро; в уши давила «Сарабанда» Генделя.

Роман брёл мимо ярко освещённых закусок с восточными названиями, закутков, где продают мобильники, баров и ресторанов, дорогих машин, запаркованных на тротуарах; обходил раскрашенных курящих девиц с надутыми губами и юношей с бородами, как у дьяконов.

В метро Роман долго искал в карманах жетон. Отыскав, неуверенно вставил его в щёлку и ступил на эскалатор.

В метро он любил этот тёплый встречный

вихрь и бесконечную дорогу под землёй; ему нравилось задерживать взгляд на приятных лицах женщин, которые двигались навстречу по соседнему эскалатору.

«Вот оно — «чудное мгновение»! Приближается и безвозвратно проезжает мимо судьба, а ты не в силах что-либо поменять», — подумал Роман.

«Себе-то не ври! Не в силах он!.. Трус ты, Ромыч, нерешительный увалень с заниженной самооценкой», — тут же поддел критик.

Роман промолчал на ехидное замечание своего второго «я»: в конце концов сам и взрастил его бесконечным рефлексированием и одиночеством. Сейчас он был полностью с ним согласен, ведь кто-то должен говорить ему правду...

На железнодорожный вокзал Роман прибыл за час до отхода поезда. Купил газету. Во время чтения к нему подошла миловидная темноволосяя женщина средних лет.

— Мужчина, извините за беспокойство. Можно к вам обратиться?

— Да, я слушаю, — оторвавшись от газетного листа, Роман посмотрел на собеседницу.

— Понимаете, сложная ситуация... Надо уехать к маме, она тяжело болеет. У меня проблемы с деньгами... Но я должна быть с ней. Не хватает на билет четыреста пятнадцать рублей. Поможете?

— Конечно-конечно, — он залез в карман, достал пятисотку. — Извините, у меня только одной бумажкой. Сдачи не надо.

— Спасибо большое, вы очень меня выручили. Да поможет вам Бог! — женщина чуть не расплакалась. Неловким робким движением она взяла у Романа купюру и скрылась в толпе.

А он опять пытался читать. Слова никак не хотели связываться друг с другом, смысл предложений терялся. Он думал о несчастной интеллигентной даме, которая вынуждена побираться на билет. Но на душе стало светлее: вроде как сделал доброе дело.

Объявили посадку. Роман надвинул кепку и пошёл спускаться на платформу.

У своего вагона остановился, закурив, стал рассматривать пассажиров. Пьяные объятия на прощание, запыхавшиеся опаздывающие люди — обычная вокзальная суета.

— Мужчина, извините, можно к вам обратиться?

Роман обернулся: рядом стояла та самая женщина из зала ожидания.

— Да, — кивнул он, не вынимая сигареты из рта.

— У меня очень сложная ситуация... Надо уехать домой к детям, а меня ограбили... Вот собираю на билет. Не хватает четыреста двадцать три рубля. Выручите?

— Четыреста пятнадцать рублей, — поправил Роман, выдыхая табачный дым.

— Что, не поняла? — опешила незнакомка.

— Четыреста пятнадцать рублей было полчаса назад, а сейчас — четыреста двадцать три. Инфляция? Овёс подорожал?

Насторожившись, женщина внимательнее присмотрелась к Роману. Что-то злое промелькнуло в её глазах: в этом нелепом кепи она не сразу узнала уже разведённого лоха. Плюнув ему под ноги, женщина развернулась и поцокала каблуками прочь.

«Можно я не буду это комментировать?» — подал голос критик.

Проводница предупредила:

— Осталось пять минут!

Бросив в урну затушенный окурочок, Роман шагнул к вагону, но остановился на краю перрона.

Проводница удивлённо смотрела на него:

— Мужчина, вы на посадку? Отходим через минуту.

Роман Сергеевич ничего не ответил. Девушка что-то проворчала и ступила на площадку тамбура.

Локомотив дал длинный гудок. Состав дёрнулся.

Роман так и стоял на перроне, потом пошёл рядом с движущимися вагонами, как будто кого-то провожал.

Люди в окнах уходящего поезда махали родственникам и друзьям, оставшимся на освещённой платформе, и никто не обращал внимания на сутулую, чуть хромающую фигуру человека в смешной кепке и клетчатом пальто.

Роман Сергеевич остановился перед входом в здание вокзала, задержал взгляд на своём отражении в стеклянной двери.

«И что дальше? Молодец! Герой! Вот это поступок — не сел на поезд! Вот это да! У тебя билет в кармане — нижняя полка, купе! На работу в понедельник! Домой-то как будешь попадать?» — распаялся внутренний критик.

Роман по-прежнему стоял перед своим отражением в стеклянной двери. Он за козырёк снял головной убор а-ля Шарль де Голль, провёл ладонью по волосам, расправил плечи. Затем сделал два шага к платформе, размахнулся и широким движением дискобола зашвырнул кепку далеко-далеко — она, прочертив высокую дугу, красиво вращаясь в свете станционных фонарей, пропала в темноте за подъездным путём.

— А никак! — выкрикнул Роман.

Он расстегнул пальто, вошёл в здание вокзала и направился было в сторону выхода в город. Остановился. Помедлив, вернулся обратно, снял денег в банкомате и уверенно зашагал на улицу.

На привокзальной площади, не стесняясь проходящих мимо пэпсов, Роман откупорил вытащенную из портфеля бутылку с остатком коньяка. Два больших глотка, финальное соло на пустой склянке — и он воткнул её в грязный сугроб.

Дальше — такси в центр. Роман попросил остановить авто в районе Литейного и вошёл в ближайший бар.

Внутри было шумно, орала музыка. С ходу Роман заказал бармену водки и молока.

— «Белый русский?» — спросил тот.

— Вроде русский, да и татарин немного, — недоумённо сказал Роман Сергеевич. — Это имеет значение?

— Вам коктейль «Белый русский»: водка, сливки, какао-ликёр? — громко пояснил парень за стойкой.

— Нет, дайте мне просто двести граммов водки и стакан молока, — стараясь перебить шум, прокричал Роман, при этом соседи по стойке удивлённо на него посмотрели.

— Сливки пойдут?

— Да.

Бармен кивнул, быстро отмерил того, что просили.

Роман зажал портфель под мышку и, взяв со

стойки заказ, двинулся через толпу, надеясь отыскать, куда присесть. В углу зала, рядом с туалетом, нашлось свободное место, публика по соседству лет на пятнадцать его моложе — прикинул Роман. Да и хрен-то с ним! Устроившись за столом, он сделал большой глоток водки и сразу хлебнул сливок, вытер белёсые усы салфеткой.

Ему вспомнились студенческие годы, колхоз... Они с товарищами раздобыли самогону и пили его, запивая молоком из переходящей по кругу трёхлитровой банки. Вот это был настоящий «Белый русский». Тогда Роман подружился с местным конюхом, угостил парня сигаретами, а тот разрешил ему вечером кататься на лошадях — без седла и удил, только с верёвочным самодельным недоуздом. Каково было городскому сесть впервые на коня и поскакать! Но генетическая память сработала на «отлично».

«Вспомни, как, вцепившись в гриву и обхватив коленями мускулистое тело животного, ты летел, разрывая вечерний туман, через колхозные луга! Навстречу — оранжевая кромка заката. Вот это была жизнь! Первый курс... Ты думал, всё только начинается. А к чему пришёл? Тебе нет ещё сорока пяти, а ведёшь себя как пропащий старый алкаш», — опять завёлся внутренний критик.

Музыка в зале стала громче. Публика оживилась, некоторые аплодировали и свистели. На барную стойку заскочила девчонка в лифчике, на ногах — пятнадцатисантиметровые шпильки. Она начала в танце выламывать руки, крутить бёдрами, едва прикрытыми короткой юбочкой, наклоняясь, трясла головой, сбивая рюмки длинными волосами. Роман Сергеевич, отхлебывая то водку, то сливки, наблюдал за вертящейся девицей.

«Ты думаешь, в этом — жизнь? Бары, клубы, «движ-париж»... Ты ещё к проституткам сходи», — подковырнул критик.

— Захочу — схожу, — упрямо буркнул Роман Сергеевич, уставившись взглядом в стакан.

Теперь ему стало скучно. Он допил горькую, пробился к стойке и, кинув бармену деньги, вышел на воздух.

Город мерцал огнями. Мимо пронеслись авто бизнес-класса, в них сидели чужие жен-

щины... «с горящими глазами и золотыми волосами» — так, кажется, в песне. Машины обгоняли друг друга, сигналили и мигали. «Вот она, ярмарка тщеславия», — подумал Роман. Опершись на стену дома, он выудил из кармана сигаретную пачку, потряс её — кажется, пустая... нет, ещё что-то есть — пальцами подцепил последнюю. Закурил.

Отчего-то именно сейчас Роману вспомнилась улыбка продавщицы Марины. У неё неровные зубы, и она — наверно, стесняясь, а может, по привычке — прикрывала рот ладошкой, когда смеялась. Роман давно к ней присматривался, но подкатиться поближе — познать комитесь, может, пригласить куда-нибудь — не решался.

— Я же её знаю. Марина — хорошая, — негромко сказал он и с пьяной развязностью начал громко, на всю улицу декламировать:

— *Мы живём вместе тысячу лет.*

Я тебя знаю, ты меня — нет.

Ты очень красива.

Пустая строка.

Не слишком счастлива.

Прости и пока.

Проходящие мимо девицы заржали:

— Пока, дяденька, пока!

Роман махнул им рукой, выбросил окурочек и, пошатываясь, двинулся по «рандомному», как говорили его молодые коллеги, маршруту, известному из старых народных сказок, — куда глаза глядят. Глаза смотрели совсем косо: в Романа уже булькал почти литр крепкого алкоголя. Он шёл, размахивая портфелем, то громко разговаривал с невидимым оппонентом, то пел разухабистые песни или читал стихи. Случайные прохожие при виде странного человека в расстёгнутом пальто старались перейти на другую сторону дороги или незаметно прошмыгнуть мимо.

Роман сделал круг по центральным улочкам, так выбрался к Невскому проспекту. Остановился на Аничковом мосту, несколько минут он о чём-то горячо спорил с обнажённым мускулистым юношей, осаживающим бронзового коня. Потом Роман повернул вдоль Фонтанки; никого не стесняясь, расстегнул ширинку и оросил гранит набережной.

Дальше — кажется, на Рубинштейна, — зашёл в бар и попросил стакан воды. Утолив

жажду, Роман Сергеевич попытался покинуть заведение, но на выходе его взяли под руки двое здоровых парней.

— Мужчина, вы забыли заплатить за воду, — вежливо сказал один с окладистой бородой, в футболке с изображением Дарта Вейдера.

— Попрошу меня не касаться, чёрный властелин! — выдёргивая руку, огрызнулся Роман. — Ты не знаешь, кого трогаешь! Я, *****, сам на тёмной стороне.

— Заплатите за воду и идите, — с нажимом сказал второй охранник в бежевой футболке.

Замерев, Роман увлечённо рассматривал его предплечья, сплошь покрытые пёстрыми татуировками. Со стороны это выглядело так, будто на парне был надет светлый джемпер с длинными рукавами, испачканными краской.

— И сколько я должен? — вынырнул Роман Сергеевич из пьяного ступора.

— Двести рублей.

— Двести рублей? — выдохнул он. — За стакан воды из-под крана?! Ни за что!

«Рома, хватит выделываться. Заплати за воду и уходи!» — пытался урезонить его внутренний критик.

— Ни за что! — гордо повторил Роман.

«Дарт Вейдер» о чём-то переговаривался с барменом. Кажется, парни не знали, что делать: попался клиент, не влезавший в их шаблон.

— Представьте ситуацию, — начал громко разглагольствовать Роман Сергеевич, — к вам приходит человек... Его страшно мучает жажда, а вы говорите: «Плати двести рублей!» Но у него нет... нет ни копейки, ни сентаво! И человек умирает от обезвоживания.

Люди в баре обратили внимание на словесную перепалку. Сидевшие за ближайшим столиком абреки — их было пятеро — наблюдая за происшествием, что-то громко обсуждали между собой на непонятном гортанном наречии; они смеялись и показывали пальцами на Романа.

— Эй, салам алекум, я всё слышу! — крикнул он им. — Чурбаны совсем, что ли? Между прочим, мы в России говорим по-русски.

«Ромыч, ты попал!» — предупредительно заметил внутренний критик.

Гости с Кавказа вскочили из-за стола и такими родными, с детства знакомыми словами уг-

рожающе загорланили по матери на ломаном великодержавном. Казалось, ещё немного — дойдёт до кинжалов.

— Таки вспомнили! Вот это другое дело! — в голосе Романа Сергеевича появилось удовлетворение. — И предупреждаю: все просьбы и жалобы принимаются только по одному!

Охранники тревожно переглянулись, крикнули бармену, чтобы вызвал наряд.

Обстановка накалялась. Подступающие горцы, пытаясь схватить смутьяна, вытесняли его вместе с «Дартом Вейдером» и татуированным на улицу.

На выходе Роман вырвался от охранников, придерживавших его под руки, и стал угрожающе размахивать портфелем.

— В очередь!.. Сукины дети, в очередь! — кричал он бронежам, выскочившим следом.

Раздался звук сирены — с каждым мгновением он приближался. Заслышав его, представители нацменьшинств испарились как в сказке. Наверно, так же со звуком боевого рога Арагорна и первыми лучами утренней зари поспешно покидала поле битвы испуганная армия орков.

Наконец машина с голубыми мигалками остановилась напротив бара.

— ...Проверим личные данные. Роман Сергеевич Шубин, сорок четыре года, ведущий инженер ОАО «Лучшие современные дороги»?

— Да, всё правильно.

В подсобке бара, уставленной коробками с виски и ящиками пива, Романа опрашивал молодой лейтенант по фамилии Чижов.

— По какому поводу праздник, Роман Сергеевич? Почему в нетрезвом виде хулиганите?.. Вроде взрослый серьёзный человек... Инженер...

— Какой праздник, товарищ лейтенант!.. Наоборот, поминки... Сорок дней справляю, горюю.

— Понятно, — Чижов вздохнул.

— Почему за воду не расплатились? У вас, я видел, банковская карта в паспорт вложена...

— На принцип пошёл, — признался Роман. — Вода по двести рублей — это же не дело... рвачество. Ну, раз закон требует, заплачу я им, товарищ лейтенант... Отпустите только. У меня и наличка есть, — Роман порылся в кармане пальто и достал две купюры. Виновато опус-

тив голову, он начал крутить сотни в руках, то складывая их, то загибая края.

— Ладно, на первый раз прощаем, — выдержав паузу, кивнул Чижов. — Штраф вам выпишут за распитие в общественном месте. Квитанция придёт на домашний адрес, — сказал через пару минут лейтенант, что-то дописывая в протоколе. — Подпишите.

Они вышли в зал. Роман достал из пальто самолётник, сложенный из двух сторублёвок, и пустил его по барной стойке.

— Ну и ***** же ты, мужик! — буркнул ему, натирая полотенцем стопку, бармен.

Роман не обратил внимания на его слова, только сидящим у выхода охранникам сказал напоследок:

— Спасибо, парни, за службу... Извините, если что...

«Дарт Вейдер» вместо ответа показал ему средний палец.

На улице возле полицейской машины Романа ждал лейтенант:

— Роман Сергеевич, вы сейчас куда?

— Я — на автовокзал, попробую на автобусе уехать, — сказал тот, застёгивая пальто.

— Только давайте без происшествий, иначе загремите в обезьянник... А то и на пятнадцать суток, — предупредил Чижов.

— Конечно, товарищ лейтенант, у меня одна дорога — на вокзал, полчаса пешочком.

Чижов залез в уазик, положив папку на колени, спросил:

— Роман Сергеевич, кто у вас умер, если не секрет?

— Старый друг... Фидель.

— Фидель???

— Фидель Кастро, — улыбнулся Роман.

Лейтенант покачал головой, что-то сказал водителю, тот засмеялся. Машина закрылась с таким смачным ударом, как может хлопнуть только дверь УАЗа. Полиция укатила, а Роман Сергеевич отправился своей нелёгкой тропой.

Он добрался на автовокзал уже перед самым закрытием. Сонная кассирша сказала, что все «официальные» рейсы ушли, но дала визитку с телефоном: в нужном направлении ездит частник на маршрутке.

Роман сразу позвонил. Водитель назвал тройную цену и сообщил, что у него как раз оказия в те края — может забрать пассажира уже через час у станции метро «Лиговский проспект».

Немного времени в запасе было. Роман вышел из зала, прогулялся вдоль набережной Обводного канала, завернул на Лиговский, в ближайшем ночнике купил сигарет и жевательную резинку.

В животе у него бурлило: сутки ничего не ел, стакан сливок в баре не считается. Издалека заметив призывные красные буквы «Шаверма — 24 часа», Роман пошёл в ту сторону.

На входе звякнул колокольчик. Небольшое помещение, стойка вдоль окна. Восточный парнишка за прилавком, на бейджике написано «Карим».

— Доброй ночи, Карим. Будь добр, сделай мне шаверму или шаурму — не знаю, как правильно. Если честно, я ни разу это блюдо не пробовал.

Карим стоял неподвижно и смотрел сквозь посетителя тёмными немигающими глазами. Роману Сергеевичу померещилось, что в них отражается тысячелетняя история древних народов: походы Александра, Чингисхана и Амира Тимура, становление и гибель империй в центре Евразии. Затаившись под этим взглядом как будто из глубины веков, Роман думал: «Интересно как получается! Потомок северорусских голожопых крестьян, о чрезвычайной бедности которых краеведы писали ещё в конце XIX века, требует у потомка великого Тамерлана подать пирожок с мясом. Выходит, мы с ним люди разных цивилизаций, а здесь, в уличной закускойной, проходит граница миров!»

«Эка куда тебя, Ромыч, понесло!» — подал голос внутренний критик.

Если бы проходивший мимо закускойной ночной прохожий не был так занят разговором по телефону и проявил любопытство, то мог бы увидеть в широком освещённом окне загадочную сцену: друг против друга мужчина и юноша, замершие как статуи, уставились взглядами в одну точку.

— Не обращайтесь внимания! Он у нас недавно работает! Немного заторможенный и русский ещё плохо знает. Хозяин его пока в ночные смены ставит, — затараторила маленькая чер-

ноглазая девчушка, выскочившая из подсобки. — Карим! — она толкнула парня и что-то сказала ему на своём языке.

Карим вышел из трансa, улыбнулся.

Роман тоже отвлекся от глобальных размышлений.

— Мне шаверму, пожалуйста, — сказал он и положил деньги на прилавок.

Карим начал готовить. Девушка сходила за шаброй и стала подметать зал.

— А вас как зовут? — спросил у неё Роман.

— Гульнора. Можно — Гули, — откликнулась она.

— Гули?.. Интересно, у нас так голубей подзывают: «гули-гули».

— «Гули» на узбекском значит «цветок», — улыбнулась она.

— Красивое имя, — заметил Роман. — А «Карим» как переводится?

— «Карим» — это «щедрый». Вы не смотрите, что он такой... — Гульнора кивнула в сторону парня. — Карим очень умный, просто мечтает всё время, скушает... на небо смотрит — звёзды ищет. А какие тут звёзды? Сами знаете, тучи одни.

Карим протянул Роману шаверму. Чуть развернув обёртку, тот попробовал:

— Очень вкусно, — показал парню большой палец. — Наверно, Карим, ты художник в душе... или поэт, — прожевав, сказал Роман и стал декламировать:

— *Из мешка*

На пол рассыпались вещи.

И я думаю, что мир —

Только усмешка,

Что теплится

На устах повешенного.

— Вот ты знаешь, мой среднеазиатский друг, — спрашивал он у Карима, — что автор этих строк — гениальный поэт и умер с голоду?.. А я вот обычный — ничем не примечательный, живой — сижу, ем шаверму твою... ну, или шаурму.

Карим стоял и улыбался в ответ: кажется, он ничего не понял.

Междугородная маршрутка из Питера ехала полупустой.

Роман смотрел в темноту за окном, окончательно трезвея. Курил на редких остановках в

чёрных полузаброшенных деревнях — выходил в одном пиджаке.

Западный ветер принёс оттепель на север России.

Ему захотелось что-нибудь написать. Достал телефон, вошёл в заметки; долго в голове тасовал слова, после раздумий набрал несколько предложений:

«Было дело дурное:

Был стакан воды и ведро водки,

Были абреки: они совсем слабы,

*Были посланные на ***: смешные ушли,*

Была сигара, и был мёртвый Фидель.

Был наряд полиции и радостный смех,

Но не оказалось двух сотен рублей».

Перечитав, Роман усмехнулся: «Тоже мне, Буковски нашёлся». Убрал мобилу во внутренний карман пиджака, поудобнее устроился на сиденье и закрыл глаза. Сон не шёл. Вдруг, вспомнив, хлопнул себя по лбу: «Носки!» Японский городовой, он оставил их в головной конторе!

«Рома, ты просто эпический дебил! — подал голос внутренний критик. — Грязные носки забыл снять с батареи в чужом кабинете! Класс, будут висеть под носом у главного инженера!»

Роман схватился за голову, но обратно хода нет: «Ладно, — подумал, — ничего не поделаешь. Теперь заснуть точно не получится».

В утренних сумерках микроавтобус привёз Романа Сергеевича на конечную остановку — автовокзал родного города. Накинув пальто, он взял портфель, поблагодарил водителя и вышел.

Роман пошёл через аллею старых тополей, на причудливо изогнутых ветвях которых, как на иллюстрациях к готическим романам, сидели многочисленные вороны — молчаливые в этот час.

Очень хотелось спать.

...Его обдувал солёный ветер. Вдалеке, на краю голубого неба, собрались серые тучки. Ослепляли снегом причудливые вершины базальтового горного хребта, обрамляющего залив. Ночью была непогода, но к утру развеялось.

«Какая красота!» — прошептал Роман и отхлебнул жгучей коктебельской мадеры. Он

уже давно зачарованно наблюдал, как холодные волны набегают на галечный пляж. Выпил ещё, поставил бутылку на камни и, запахнув пальто, облокотился на спинку шезлонга.

— Приехала ваша жена Марина Петровна с детьми. Они ждут вас в номере. — Неслышно подошёл молодой администратор из отеля.

— Да, Павел, спасибо, иду... — ответил Роман.

Шезлонг под ним, кажется, пришёл в движение. Что это?

— ...Шеф, вставай! — кто-то тряс Романа Сергеевича за плечо.

— Паша, я же сказал... сейчас приду, — тяжело ворочал тот языком.

Наконец открыл глаза и увидел над собой какого-то бродягу — от него пахло тройным одеколоном и мочой.

— Вставай, шеф, не спи. Менты заберут.

Ничего не понимая, Роман огляделся: оказывается, он заснул на скамейке в парке у автовокзала, портфель — под головой. Прохожие с брезгливой опаской смотрели на лежащего мужчину и бомжа рядом.

— Что-то я устал... Спасибо, что разбудил. — Роман Сергеевич нашарил в кармане пальто остатки наличности и протянул бездомному: — Держи.

Тот не хотел брать, но Роман, встав со скамейки, всунул мятые купюры в грязную ладонь и пошёл в сторону родного района.

Рядом с домом он заглянул в магазин: вот удача — работала Марина. Покупателей не было. Роман поздоровался, она кивнула и улыбнулась. Он походил вдоль стеллажей с вином, взял бутылку крымского шардоне, двинулся к кассе.

Снова улыбнувшись ему, Марина пробила покупку. Роман не уходил: попросил ещё конфеты и опять расплатился банковской картой. Постоял немного у кассы, собирая волю в кулак, начал:

— Марина, а вы случайно по батюшке не Петровна?

— Нет, Алексеевна. А почему вы спрашиваете? — удивилась она догадке.

— Да так... — замялся. — А меня Роман зовут.

— Да, вы говорили.

— Странно, я не помню.

— Вы тогда были... немного не в форме, — Марина подбирала слова, чтобы не обидеть его, — ну то есть...

— Пьяный, что ли?

— Ну да, очень пьяный.

— Простите, — смутился Роман.

— Да ничего, бывает...

Роман Сергеевич по-прежнему топтался у кассы.

— Марина, а вы были в Крыму?

— Вы тогда спрашивали... — обронила она, теребя в руках кассовую ленту.

— Блин... — опять смутился он. — А я не помню. И что вы ответили?

— Что не была, но очень хочу.

— А я что сказал?

Марина опустила глаза:

— Спросили, поеду ли я с вами... Я ответила, что подумую...

В это время в магазин заглянули двое подвыпивших товарищей. Роман, не забрав покупку, шагнул от кассы в сторону стеллажей, сделал вид, что рассматривает французские коньяки. Мужики взяли водки, расплатились и вышли.

Роман вернулся к кассе, подвинул бутылку и конфеты:

— Это вам, Марина... подарок. Подождите. — Помешкав, он всё же открыл портфель, вынул из него кружевные трусы и положил их на коробку с шоколадным ассорти. — Вот... Они очень качественные... не с рынка... то есть... только вчера купил... в салоне на Невском, — краснея, бормотал Роман. — Вы мне очень нравитесь... простите. — Марина звонко засмеялась, прикрыв рот ладошкой. — Ну, если они не в вашем вкусе... или, может, не подойдут... тогда я...

Наверно, пожалев Романа, вымученного ситуацией, она подцепила пальцем ажурную резинку.

— А знаете, я в восторге! Спасибо. Вообще, люблю красивое бельё. — Марина растянула стринги в руках. Роман покраснел ещё больше и опустил глаза. — И за вино спасибо. А что я вам нравлюсь, вы тоже тогда говорили, между прочим.

— Вот же дурак... — чуть осмелев, улыбнулся Роман. — А жениться случайно не предлагал?

— И замуж звали, неужели не помните? — Марина расхохоталась.

— И что вы ответили? — вдруг серьёзно спросил Роман.

— А вы ещё раз спросите, — уже без смеха ответила Марина.

Отреагировать он не успел: в магазин зашла бабка с первого этажа его подъезда. Поздоровавшись, она пошаркала в торговый зал, там крутила в руках бутылки, рассматривая каждую, зачем-то нюхала их, ставила обратно на полку.

Время тянулось нескончаемо долго. Дожидаясь, пока бабка уйдёт, Роману хотелось чуть ли не прибить её. Наконец, так ничего и не купив, соседка вышла из магазина.

Когда стеклянная дверь за ней закрылась, Роман Сергеевич решил брать быка за рога, пока опять кто-нибудь не помешал.

— Марина, я понимаю, вы меня не знаете... Может, я вам не понравлюсь... как мужчина... Что я говорю, чёрт возьми! Давайте жить вместе! Нет... Марина, вы хотите жениться... тьфу ты!.. выйти за меня замуж? — сказав это, Роман метнул взгляд на дверь: по ступенькам поднимался посетитель.

— Где ключ? — решительно спросил он.

Марина торопливо протянула ему ключ, вытащенный из кармана фартука. Роман рванул ко входу, крутанул табличку за стеклом — «зак-

рыто» и, притянув дверь, провернул ключ в замке. На крыльце та самая бабка с первого этажа дёргала дверь снаружи: видно, надумала купить что-то.

Не обращая на неё внимания, Роман стремительно направился к Марине за кассовый прилавок. Он взял её за плечи и долго, крепко поцеловал в податливый рот.

— Ты согласна? — спросил наконец.

— Я подумаю, — улыбнулась она и потянулась к нему губами.

А старуха на улице всё дёргала и дёргала за ручку двери, не понимая, что происходит в магазине и почему её не пускают. Ведь время-то рабочее!

Владимир Витальевич ТРЕНИН

родился в 1977 году.

Окончил КГПУ и аспирантуру при ИВПС КарНЦ РАН.

Работает инженером-геологом.

Автор трёх книг прозы.

Его сценарий вошёл в шорт-лист мейнстрима, конкурса сценариев

«Личное дело» журнала «Искусство кино» в 2018 году.

Публиковался в журнале «Север».

Финалист фестиваля «Золотой запас «Севера».

Живёт в Петрозаводске.

